

ПОЛТАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

1867 года.

№ 9.

Мая 1.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ВОСПОМИНАНІЯ ЧУДЕСНАГО СПАСЕНІЯ ЖИЗНИ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

ОТЪ ПОКУШЕНІЯ ЗЛОДѢЯ 4-ГО АПРѢЛЯ 1866 ГОДА.

*Молю прежде всѣхъ творити
молитвы, моленія, прошенія и
благодаренія за вся человеки,
за царя и за всѣхъ, иже во
власти суть. (1 Тимое. 11, 1. 2.)*

Исполняя эту заповѣдь Апостольскую, мы приносимъ нынѣ, братіе, единодушно со всею землею русскою, торжественное благодареніе Богу Благодателю нашему за спасеніе отъ злодѣйскаго покушенія драгоцѣнной жизни Его Величества Благочестивѣйшаго Государя Императора нашего; чудно совершившееся въ сей день годъ предъ

симъ. Эта заповѣдь, которой исполненіе особенно пріятно Богу Спасителю нашему, всегда свято исполнялось народомъ русскимъ; и въ настоящую минуту съ полнымъ убѣжденіемъ можемъ сказать, что усердныя молитвы о возлюбленномъ Монархѣ нашемъ, непрестанно возносимыя церковно и благочестивымъ народомъ русскимъ, споспѣшествуемыя молитвами Царя о своемъ народѣ, и были спасительною стѣною, охранившею драгоценную жизнь Государя въ минуту смертной опасности. Замѣчательно, что даже тотъ, кто послужилъ видимымъ орудіемъ Божественнаго Промысла къ спасенію Государя, пришелъ на мѣсто, гдѣ ему суждено было совершить славный подвигъ любви вѣрноподданческой, съ молитвеннымъ въ сердцѣ расположеніемъ. Онъ стремился къ дому молитвы, чтобы возблагодарить Бога, въ день своего Ангела, за продолженіе своей собственной жизни; и вотъ Господь, видящій помыслы и движенія души нашей, съ любовію воззрѣлъ на благочестивое расположеніе его сердца, и призвалъ его охранить жизнь Своего Помазанника, и какъ бы въ награду за двойной подвигъ молитвы къ Богу и любви къ Царю, измѣнилъ жизненную судьбу его къ неожиданному для него благополучію.

По величайшему значенію для христіанъ усердной молитвы, и любвеобильный Апостоль Христовъ, желая вѣрующимъ истиннаго блага, не просто заповѣдуетъ, а умоляетъ молиться за вся челоуѣки, особенно же за Царя и за всѣхъ, иже во власти суть: *молю прежде всѣхъ творити моли-*

твѣ.... Умоля насъ молиться, тутъ же общаетъ и особенную награду за молитву—тихое и безмолвное житіе, какъ условіе къ земному благополучію,—и благочестіе и чистоту, какъ залогъ небеснаго блаженства.

Молитва есть благоговѣйное стремленіе души нашей къ Богу, источнику ея жизни. Молитвенно успокоеваясь въ Богѣ, какъ дитя на лонѣ матери, душа человѣка почерпаетъ въ Божественномъ всемогуществѣ ту необыкновенную силу, которая дѣлаетъ ее способною на великія сверхъестественныя дѣла. Молитва и раждаетъ и воспитываетъ въ душѣ человѣка ту вѣру, для которой, по слову Господа Спасителя нашего, все возможно,—ту вѣру, которою подобострастные намъ человѣки, по свидѣтельству слова Божія, заключали небо, низводили на землю огонь небесный, останавливали движеніе солнца, воскрешали мертвыхъ, заграждали уста львовъ, избѣгали острія меча, возмогали въ немощахъ, обращали въ бѣгство полки чужіе. Молитва есть всемогущее орудіе, которымъ душа торжествуетъ надъ слабостію плоти, надъ силою грѣха, надъ искушеніями діавола, отражаетъ навіты и козни злыхъ людей; и среди самыхъ трудныхъ и тяжкихъ обстоятельствъ молитва, дѣлая человѣка непоколебимо твердымъ въ упованіи на Бога, даруетъ ему тихую и безмятежную жизнь.

Сильна и спасительна можетъ быть молитва и одного человѣка, тѣмъ болѣе не можемъ сомнѣваться въ спасительной силѣ молитвы цѣлаго народа, вѣрнаго завѣту Божию, каковъ нарѣдъ рус-

скій, — въ силѣ молитвъ Церкви Православной. Эти молитвы всегда были чудодѣйственны: ихъ силою разсѣянь мракъ язычества на лицѣ земли русской, когда она только начинала озаряться свѣтомъ Евангелія. Крѣпкою молитвою своею Церковь Православная поддержала духъ народа русскаго, еще слабаго жизнію гражданскою, въ перенесеніи вѣковаго татарскаго ига. Молитвами церкви и народа русскаго спасень, огражденъ и укрѣпленъ отечественный престоль, въ тяжкую годину между царствія. Но вотъ, князь мира сего, исконный врагъ людей, а особенно царства православнаго, затѣялъ новую брань противъ насъ, — въ самой первопрестольной столицѣ Россіи вздумалъ чрезъ сыновъ погибельныхъ основать свое царство *адъ*, и въ школѣ своеволія, разврата, вольнодумства и невѣрія приготовить себѣ такихъ слугъ, для которыхъ не было бы страшнымъ дѣломъ — отравить роднаго отца, убить Государя. Благой Промыслитель допустилъ, чтобы обнаружилась эта страшная язва въ самомъ ея началѣ, и она открылась такъ дерзко, что уже не могла быть оставлена безъ рѣшительныхъ средствъ къ ея уничтоженію. Можно несомнѣнно сказать, что и злодѣй, рѣшившійся на цареубійство, и все скопище, изъ котораго онъ изшелъ, не дошли бы до столь погибельныхъ замысловъ, если бы душамъ ихъ не была чужда молитва. Молитва бы сохранила въ нихъ страхъ Божій и не допустила бы до забвенія того, что Царь Православный — Божій Помазанникъ, — что самъ Богъ заповѣдалъ чтить Его, огра-

дивъ эту заповѣдь страхомъ кары небесной: *Бога бойтесь, царя чтите* (1 Петр. 11, 17), — что Вседержитель грозною заповѣдію: *не прикасайтесь помазанному моему* (Псал. 104, 15) запретилъ не только посягать на жизнь Помазанника Своего, а даже касаться его неблагоговѣйною мыслию, дерзкимъ словомъ или движеніемъ, какъ лица священнаго.

Несчастные, они забыли Бога, и Богъ оставилъ ихъ своею благодатію; тогда діаволу уже нетрудно было уловить ихъ въ свои погибельныя сѣти.

Братія! если врагъ спокойствія и спасенія нашего не дремлетъ; то и мы должны усилить наши молитвы. Церковь ни одного моленія своего не совершаетъ безъ молитвы о Царѣ. Она испрашиваетъ у Бога крѣпость его державѣ; молить о его пребываніи, мирѣ, здравіи и спасеніи; просить Бога благопоспѣшить ему во всѣхъ благихъ его намѣреніяхъ и покорить подъ нозѣ его всякаго врага и супостата. Посѣщайте же усерднѣе храмъ Божій для общей молитвы о благоденствіи Государя, не забывайте и въ домашней молитвѣ вашей молиться за Государя. Внушайте этотъ долгъ — родители дѣтямъ, воспитатели питомцамъ, начальники подчиненнымъ, предшествуя имъ въ исполненіи святаго долга молитвы собственнымъ примѣромъ. Общая усердная молитва будетъ на всякій день и часъ крѣпчайшею оградою священной жизни Государя, столь для насъ драгоценной, ибо вся она посвящена благу нашему. Внемля усердной молитвѣ нашей, всеблагій Податель жизни (Псал. 90,

11) *Ангеламъ своимъ заповѣсть* сохранятьъ его на всѣхъ путяхъ его. Тогда, по слову Божию, *не придетъ къ нему никакое зло, и рана не приблизится тѣлеси его;* (ст. 10) тогда никакой врагъ, явный, ни тайный, (Псал. 88, 23) *ничтоже успеетъ на него, и сынъ беззаконія не приложитъ озлобити его.*

Въ тихой и безмятежной жизни Августѣйшаго Монарха нашего и всего Царствующаго Дома, подъ Его царственною державою, и мы обрѣтемъ *тихое и безмолвное житіе во всякомъ благочестіи и чистотѣ.* Аминь.

Протоіерей Алексій Капустянский.

ВЕСЕДА

ВЪ НЕДѢЛЮ КРЕСТОПОКЛОННУЮ

о христіанскомъ самоотверженіи. ¹⁾

*Иже хочетъ по Мнѣ ити,
да отвержется себе, и возметъ
крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ
(Марк. VIII, 34).*

Эти слова Спасителя, благочестивые слушатели, мы услышимъ въ Евангеліи, которое завтра будутъ читать на Литургіи. Онѣ такъ важны и обязательны для каждаго христіанина, что „ихъ надобно слышать, если бы то было возможно, и не имѣющимъ ушей,“—по выраженію одного изъ знаменитыхъ нашихъ пастырей—проповѣдниковъ (Иннокент. слово въ недѣлю крестопоклон.). Особенная важность этихъ Евангельскихъ словъ заключается въ томъ, что въ нихъ содержится одно изъ основныхъ началъ нравственной жизни христіанина—*самоотверженіе*, а съ тѣмъ вмѣстѣ и главныя условія нашего призванія и спасенія. Такая важность заповѣди Спасителя о христіанскомъ самоотверженіи и крестоношеніи требуетъ съ нашей стороны полнѣйшаго вниманія къ словамъ Господа. И такъ вонмемъ.

„Кто хочетъ итти за Мною,—говоритъ Спаситель,—*отвергнись себя!*“—Вотъ одно изъ основ-

¹⁾ Произнесена 1867 года 18 Марта въ Крестовомъ храмѣ Полтавскаго Архіерейскаго дома.

ныхъ началъ нравственной жизни христіанина и вмѣстѣ одно изъ необходимыхъ условій для того, чтобы быть истиннымъ послѣдователемъ Христа. Въ чемъ же состоитъ христіанское самоотверженіе и какъ далеко оно должно простираться?

По Евангелію и ученію Церкви, христіанское самоотверженіе есть полнѣйшее отреченіе не только отъ всѣхъ грѣховныхъ мыслей, пожеланій и поступковъ, которые слово Божіе именуетъ *ветхимъ чловѣкомъ*, не только—отреченіе отъ всѣхъ мірскихъ привязанностей и удовольствій, препятствующихъ христіанскому благочестію, но даже—отреченіе отъ себя самаго, т. е. отъ своего плотскаго ума, своей воли не возрожденной, словомъ отъ всей своей необновленной личности. Такое самоотверженіе должно, по Евангелію, простираться до степени возненавидѣнія себя и до готовности умереть. И мало сказать, что есть жертвы и самопожертвованія въ христіанской жизни: вся она и всецѣло должна быть однимъ великимъ и постояннымъ самопожертвованіемъ. Читайте XIV-ю главу Евангелиста Луки. „Если кто приходитъ ко Мнѣ,—говоритъ здѣсь Спаситель,—и не возненавидитъ самой жизни своей, не можетъ быть Моимъ ученикомъ. Всякій изъ васъ, кто не отречется отъ *всего*, что имѣетъ, не можетъ быть ученикомъ Моимъ (Лук. XIV, 26, 33).“

Человѣческому самолюбію, которое себя любитъ ставить цѣлю, а все, что внѣ его, средствомъ для себя, которое любитъ все измѣрять личною пользою и интересомъ, конечно трудно помириться съ

Евангельскою заповѣдью о христіанскомъ самоотверженіи, которая требуетъ отъ насъ постоянныхъ самопожертвованій и самолишеній, во имя любви къ Богу и ближнему. Самолюбіе наше готово возражать, спорить противъ строгихъ требованій Евангельской заповѣди о самоотверженіи. „Жестокое слово сіе, восклицаетъ оно, и кто можетъ его послушать!“ — „Какъ! восклицаетъ оно, во имя естественной любви человѣка къ себѣ самому, — какъ! возненавидѣть себя самого, — свою жизнь, свою личность!? но это не естественно! это нравственная невозможность!“

Но да не смущаетъ и не искушаетъ насъ наше самолюбіе, какою бы благовидною мантией оно ни прикрывалось! — Правда, самоотреченіе — самый трудный изъ подвиговъ Евангельскихъ; по этому-то очень справедливо говорятъ, когда утверждаютъ, что „человѣкъ охотнѣе откажется отъ денегъ, отъ удовольствій, отъ чести, отъ покоя, отъ семейства, отъ здоровья, отъ жизни, чѣмъ отъ самаго себя, отъ собственной воли, собственной правды, собственной славы.“ Но трудность не есть еще невозможность. Требованія Евангельской заповѣди о самоотверженіи не должны казаться для христіанина чѣмъ-то не естественнымъ и унижительнымъ, если онъ уяснитъ себѣ, какъ должно, что собственно, и во имя чего онъ долженъ отвергать въ себѣ, до степени возненавидѣнія *ветхого* *человѣка съ дѣяньми его*, т. е. отвергать свои грѣховныя мысли, пожеланія и поступки, отвергать свое самолюбіе, свой плотской умъ и не возрож-

денную волю,—словомъ отвергать и ненавидѣть свое грѣховное состояніе. Такое самоотверженіе требуется отъ христіанина во имя его высшаго нравственнаго совершенства и во имя безусловной любви къ Богу и ближнему. Но отвергать въ себѣ то, что грѣховно и не возрожденно, и отвергать для себя же, для своего совершенства, развѣ это, судя строго, не такъ же естественно, какъ, напр.,—замѣнять старую и негодную одежду новою? развѣ это не достойно челоуѣка?—Развѣ, съ другой стороны, самоотверженіе во имя совершенной любви къ Богу и ближнему есть самоуниженіе?

Но какъ бы ни казалась трудною и не удобоисполнимою для нашего самолюбія Евангельская заповѣдь о самоотверженіи,—во всякомъ случаѣ исполненіе этой заповѣди есть непремѣнное условіе для того, чтобы быть истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ. „Какъ,—скажемъ словами одного изъ нашихъ отечественныхъ проповѣдниковъ,—не отвергнувшись своего ума, мы будемъ принимать тайны вѣры, кои превыше ума и противны его мудрованіямъ? Какъ, не отвергнувшись своего самолюбія, мы будемъ почитать себя первыми изъ грѣшниковъ и любить враговъ своихъ? Какъ, не отвергнувшись своей плоти и крови, мы будемъ распинать свою плоть со страстями и похотями? Какъ, не возненавидѣвъ своей души, мы будемъ стараться погубить еѣ?“ (Иннокент. слово въ нед. крестопокл.)

Заповѣдь о христіанскомъ самоотверженіи мно-

гихъ устрашаетъ тѣмъ, что она будто бы осуждаетъ христіанъ на жизнь, лишенную всякой радости, и исполненную однѣхъ только постоянныхъ жертвъ и самопожертвованій. „Какое, — говорятъ, — печальное существованіе заповѣдуютъ христіанину?! Жить не только безъ радостей для себя, но и безъ пользы для другихъ!“ Нѣтъ, такое понятіе о христіанской жизни есть крайнее заблужденіе. Источникъ этого заблужденія заключается въ недостаткѣ опыта этой жизни. Правда, самоотверженіе есть горькая чаша для нашей собственной грѣховной воли, для нашей грѣховной и необновленной природы; за то оно доставляетъ источникъ полнаго и чистаго удовлетворенія потребностямъ возрожденной воли, возрожденного ума и сердца. Люди, опытные въ духовной жизни, дознавшіе личнымъ опытомъ, что, „радость есть плодъ святаго Духа,“ увѣряютъ насъ, что для истиннаго христіанина, Евангельски отвергающагося себя самого, нѣтъ ничего неудобноисполнимаго въ заповѣди: „постоянно радуйтесь!“ — Скажите, что можетъ быть счастливѣе и блаженнѣе той любви, когда любящій забываетъ себя самаго ради любимаго лица? а самоотверженіе не есть ли именно эта высшая степень любви къ Богу и ближнему? Не во имя ли этой высокой любви христіанинъ отвергаетъ себя самаго? Да и не чувствуется ли нѣкое подобіе этой высшей христіанской радости даже въ обыкновенныхъ человѣческихъ отношеніяхъ и занятіяхъ? Развѣ не чувствуетъ величайшей радости дѣжная мать, которая жертвуетъ своимъ

спокойствіемъ, удовольствіями свѣта, даже здоровьемъ, заботясь о спокойствіи, благополучіи и здоровьи своего малютки? Развѣ она не находитъ въ своемъ безкорыстномъ самоотверженіи, въ пользу ребенка, источника возможно полного на землѣ счастья и удовольствій? говоримъ: въ *безкорыстномъ* самоотверженіи, потому что въ первые годы жизни малютки мать вовсе не думаетъ о томъ, заплатитъ ли онъ ей чѣмъ нибудь за ея материнскія ласки и заботы. Развѣ не чувствуютъ подобной же радости—истинный патріотъ, жертвующій всѣмъ въ пользу родины, безкорыстный ученый, отвергающійся если не всего, то многаго, во имя истины, которую онъ ищетъ, и даже обыкновенный работникъ, *въ потъ лица* добывающій бѣдный кусокъ хлѣба для дѣтей и семейства?.. Нѣтъ, любить Бога болѣе всего, любить всею душою и всею мыслию, а ближняго какъ себя самаго,—любить Бога и ближняго до безусловнаго самопожертвованія,—этого нельзя назвать печалью, а скорѣе полною и совершеннѣйшею радостью. Если трудно дойти до такого самоотверженія, то, дошедши бываетъ легко: потому что тогда, при помощи благодати, иго Христово бываетъ благо и бремя Его легко. Тогда, по мѣрѣ того, какъ умножаются въ насъ,—по словамъ Апостола,—страданія Христовы, умножается Христомъ и утѣшеніе наше (2 Кор. 1, 5).“

Еще менѣе справедливо мнѣніе будто жизнь христіанина, Евангельски отвергающагося себя самаго, бесполезна для другихъ. Нѣтъ, эта жи нѣ

полезнѣе для общества и человѣчества, нежели жизнь, строяемая на началахъ противо-христіанскихъ; потому что Евангельское самоотверженіе заставляеть человѣка отказываться только отъ собственныхъ выгодъ, но не отъ выгодъ ближняго. Въ настоящее время, кажется, всѣ, согласно съ писателемъ книги Бытія, признають, что человѣкъ созданъ на трудъ. Кажется всѣ увѣрены въ томъ, что трудъ есть не только честь человѣка, но даже одно изъ главныхъ условій благоденствія государства. Но кто возвысилъ человѣческій трудъ, какъ механической, такъ и духовной до степени самоотверженнаго и крестоноснаго служенія Богу и ближнему? Евангеліе и Церковь, проповѣдующіе о христіанскомъ самоотверженіи. Если бы намъ съ вами дозволило время и возможность остановиться на нѣкоторыхъ повѣствованіяхъ изъ исторіи Церкви и человѣчества, прочитавъ, напр., нѣкоторыя страницы изъ лѣтописей благотворительности, благотворительныхъ учрежденій, христіанскихъ миссій; то мы, быть можетъ, убѣдились бы, что наилучшими труженниками, а съ тѣмъ вмѣстѣ наилучшими благодѣтелями не только частныхъ лицъ, но даже цѣлыхъ обществъ и всего человѣчества, и притомъ не въ отношеніи только къ духовному благу людей, но и къ вѣшнему, — были не просто человѣколюбцы, но истинные христіане, глубоко понимавшіе заповѣдь Спасителя о христіанскомъ самоотверженіи.

Чувство благоговѣнія и сознаніе человѣческой немощи удерживаютъ насъ отъ желанія изобра-

жать предъ вами величайшіе труды Того, Кто далъ намъ заповѣдь самоотверженнаго служенія ближнимъ (Лук. XXIII, 26) и, съ тѣмъ вмѣстѣ, Самъ былъ совершеннѣйшимъ исполнителемъ этой заповѣди. Никакой умъ человѣческой не въ силахъ объять, никакое человѣческое искусство не въ состояніи изобразить великости самоотверженія и тяжести трудовъ Спасителя въ дѣлѣ служенія Его нашему спасенію. Но остановимъ, по крайней мѣрѣ, наши взоры и наше вниманіе на одномъ изъ великихъ служителей и подражателей Христовыхъ — св. Ап. Павлѣ. Послушайте, какъ самъ Апостоль языкъ изображаетъ великость трудовъ своего апостольскаго призванія: въ словахъ его если не прямо слышится, то, по крайней мѣрѣ, подразумѣвается желаніе подражать и дѣйствительное подражаніе Иисусу Христу въ подвигахъ самоотверженнаго служенія спасенію человѣковъ. „Пища Моя,—говоритъ о Себѣ Иисусъ Христосъ,—состоитъ въ томъ, чтобы творить волю пославшаго Меня и совершить дѣло Его (Іоан. IV, 34).“ — „Я ни на что не взираю, — говоритъ также о себѣ Ап. Павелъ, — и не дорожу своею жизнію, только бы совершить съ радостію свой путь и служеніе, которое принялъ я отъ Господа Иисуса, проповѣдать Евангеліе благодати Божіей (Дѣян. XX, 24).“ Это самоотверженное служеніе спасенію человѣковъ, т. е. евангельское благовѣстіе, Апостоль считалъ своимъ долгомъ и притомъ долгомъ необходимымъ, обязательнымъ и соединеннымъ съ отвѣтственностью: „Я *долженъ*, — говорилъ онъ, — и

еллинамъ и варварамъ, мудрецамъ и невѣждамъ. Ежели я благовѣствую, въ томъ нѣтъ похвалы для меня, потому что лежитъ на мнѣ необходимая обязанность; и горе мнѣ, если благовѣствовать не стану (Римл. I, 14.—Кор. IX, 16)!" Можетъ быть ревностью Апостола въ его служеніи руководила мысль о временныхъ выгодахъ, или желаніе пріобрѣсти славу? О, нѣтъ! Апостоль слишкомъ далеко былъ отъ подобныхъ мыслей. Любовь,—безкорыстная любовь къ Богу и ближнему,—усердіе къ своему призванію и желаніе подражать Тому, Кто не искалъ славы отъ человѣкъ за свое служеніе людямъ,—вотъ чтò воодушевляло Апостола на подвиги. „Вотъ въ третій разъ я располагаю итти къ вамъ, — писалъ онъ Коринѣянамъ,—и не буду вамъ въ тягость; ибо я ишу *не вашего, а васъ*: не дѣти должны собирать имѣніе для родителей, но родители для дѣтей. Я съ удовольствіемъ буду издерживать *свое* и истощать себя самаго за души ваши, не смотря на то, что при столь сильной любви моей къ вамъ, я менѣе любимъ вами (Кор. XII, 14, 15).“ — „Я три года непрестанно день и ночь со слезами поучалъ каждого изъ васъ, — говорилъ онъ ефесскимъ пресвитерамъ.“ „Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни отъ кого не пожелалъ. Сами вы знаете, что нуждамъ моимъ, и нуждамъ бывшихъ при мнѣ служили сіи мои руки (Дѣян. XX, 31, 33, 34).“ — „Никогда не было у насъ предъ вами,—писалъ Апостоль къ Солуныянамъ,—ни словъ ласкательства, какъ вы знаете, ни видовъ корысти: Богъ свидѣтель! Не ищемъ славы

человѣческой ни отъ васъ, ни отъ другихъ. Мы могли явиться съ важностію, какъ апостолы Христовы, но мы были среди васъ тихи, подобно какъ кормилица нѣжно обходится съ дѣтьми своими: такъ мы, изъ усердія къ вамъ, восхотѣли предать вамъ не только благовѣствованіе Божіе, но и души свои, потому что вы стали любезны намъ (Сол. II, 5—8). “— Можетъ быть люди, для которыхъ Апостоль трудился съ такою отеческою любовью, съ такимъ самоотверженнымъ усердіемъ, платили ему, покрайней мѣрѣ, взаимною любовью, какъ дѣти обыкновенно платятъ за нѣжность и ласки своимъ родителямъ, или—вниманіемъ, какъ прилежные ученики платятъ за труды своему учителю? Не всѣ и не всегда: чаще платили неприязнію и ненавистію. „Я гораздо болѣе былъ въ трудахъ,— говоритъ Апостоль, сравнивая свои труды съ трудами другихъ апостоловъ,— болѣе въ ранахъ, болѣе въ темницахъ, и многократно при смерти; пять разъ принималъ отъ іудеевъ по сорока ударовъ безъ одного; три раза былъ битъ палицами, однажды камнями.... Много разъ былъ въ опасностяхъ отъ разбойниковъ, въ опасностяхъ отъ своихъ соотечественниковъ, въ опасностяхъ отъ язычниковъ, въ городахъ, въ пустыняхъ, на морѣ, среди ложныхъ братій,— въ трудѣ и въ изнуреніи, въ голодѣ, въ жадѣ.“— „Я окончилъ дѣло, которое Ты поручилъ Мнѣ исполнить,“— говорилъ Исусъ Христосъ, оканчивая Свое земное служеніе. И подражатель Христовъ Ап. Павелъ имѣлъ полное право сказать о себѣ предъ своей мучениче-

ской кончиной: „я подвизался добрымъ подвигомъ, окончилъ свое поприще, сохранилъ вѣру; теперь сохраняется для меня вѣнецъ правды (2 Тим. IV, 7—8).“ Онъ, какъ потрудившійся болѣе всѣхъ другихъ (1 Кор. XV, 10), имѣлъ полное право сказать: „подражайте мнѣ, какъ я Христу (1 Кор. XI, 1).“

Истинные пастыри и учителя Церкви и вообще истинные христіане, евангельски отвергающіеся себя, вполне подражали, какъ и теперь подражаютъ, въ трудахъ своего званія Іисусу Христу и Его Апостоламъ. Читайте житія и сказанія о св. Игнатіѣ Богоносцѣ, Иоаннѣ Златоустѣ, св. Антоніѣ и Θεодосіѣ и др.,—и вы увидите, что всѣ они служили ближнимъ съ самоотверженіемъ, кротостію и любовію, поминая слова Спасителя: „болій въ васъ, да будетъ яко мній: и старѣй, яко служай (Лук. XXII, 26).“

Итакъ, брат., евангельская заповѣдь о самоотверженіи есть заповѣдь хотя и трудная, однако удобоисполнимая. Она необходима въ дѣлѣ нашего спасенія, она благотворна во всѣхъ человѣческихъ обязанностяхъ какъ личныхъ, такъ и семейныхъ, общественныхъ и государственныхъ. Будемъ помнить это и, по силамъ нашимъ, исполнять въ нашей жизни евангельскій законъ о самоотверженіи.—Второе евангельское требованіе отъ послѣдователя Христова заключается въ словахъ Спасителя: „да возьметъ крестъ свой.“

„Кто хочетъ итти за Мною,—говоритъ Спаситель,—возми крестъ свой!“ Вотъ второе евангельское требованіе отъ послѣдователя Христова! Кто

хочетъ идти за Спасителемъ, тотъ непременно долженъ быть крестоносцемъ. Что это за крестъ, который долженъ нести Христовъ послѣдователь?— Крестъ въ древности служилъ для преступниковъ орудіемъ казни; поэтому, въ переносномъ смыслѣ, евангельскій крестъ означаетъ совокупность страданій и несчастій, которыя составляютъ неизбѣжный удѣлъ каждаго въ этомъ мірѣ. Такимъ образомъ крестомъ можно, напр., назвать бѣдность, болѣзни, потерю сродниковъ, безчестіе, клевету, словомъ всѣ несчастные случаи въ жизни.

По ученію Церкви, каждый христіанъ долженъ быть крестоносцемъ; потому что всякому человѣку Провидѣніе назначаетъ Свой крестъ, сообразно съ его силами и положеніемъ въ мірѣ и обществѣ. И въ какомъ бы званіи человѣкъ не находился, — будь онъ высшій государственный сановникъ, служитель алтаря, каменщикъ, — онъ не гражданинъ только и подданный, но вмѣстѣ и крестоносецъ Христовъ; потому что для каждаго человѣка Провидѣніе указало Свою долю скорбей и страданій, если не отънѣ, то отъ себя самаго, — отъ собственнаго ума, собственной воли, отъ своихъ страстей и пр.

Чтобы крестъ, назначенный Промысломъ, былъ спасителемъ для крестоносца, Евангеліе и Церковь требуютъ съ его стороны выполненія нѣкоторыхъ важныхъ условій. *Во первыхъ*, послѣдователь Христовъ долженъ *самъ* взять крестъ, посылаемый ему Богомъ, т. е. долженъ принять и переносить скорби и испытанія добровольно, съ

усердіемъ, съ сознаниемъ ихъ пользы и необходимости. Въ противномъ случаѣ, если т. е. человѣкъ принимаетъ крестъ съ отвращеніемъ и какъ тяжелую необходимость, то крестъ его будетъ бременемъ только подавляющимъ, но не спасающимъ.

Во вторыхъ, послѣдователь Христовъ долженъ идти съ своимъ крестомъ непременно *во слѣдъ своего Спасителя*. А во слѣдъ Спасителя можно идти не иначе, какъ съ вѣрою въ Него въ душѣ и съ Евангеліемъ въ сердцѣ: примѣръ жизни Іисуса Христа долженъ быть для послѣдователя Его закономъ. Въ противномъ случаѣ крестоносцу можетъ предстоять опасность снова пойти во слѣдъ своего мнимоотвергнутаго *ветхаго чловѣка*, т. е. своего самолюбія, своихъ страстей и пристрастій.

Евангельское слово о крестѣ, подобно замовѣди о самоотверженіи, многихъ пугаетъ своею строгостью. „Постоянныя скорби, страданія, кресты: какое безотрадное существованіе! И это ли религія мира, покоя и блаженства, которая осуждаетъ человѣка на такое жалкое существованіе?“ Да, братъ, жестоко слово Евангелія о крестѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, спасительно и благотельно для насъ и какъ для людей, и какъ для христіанъ. Если Евангеліи и Церкви осуждаютъ насъ на страданіе и скорьби, то онѣ же, — и только онѣ, — умѣютъ объяснить намъ значеніе и тайну нашихъ скорьбей и страданій. Для чего на землѣ скорьби и страданія, спрашиваемъ мы? Для того, — отвѣчаютъ намъ Вѣра и Церковь, — чтобы воспитать и приготовить насъ для неба, которое

не иначе достигается, какъ *многими скорбями*. Да, страданія и скорби, въ путяхъ Промысла, суть школа, приготовляющая насъ къ небу. Значеніе и послѣдняя цѣль крестоношенія въ этой школѣ состоятъ въ томъ, чтобы на своемъ крестѣ человекъ постоянно распиналъ и наконецъ совершенно умервилъ себя самого, т. е. свое падшее грѣховное существо, своего *ветхаго человека съ дѣяньми его*. Развѣ недостаточно отвергнуться этого человека; потому что онъ и послѣ того, какъ отвергнутъ, не остается въ бездѣйствіи, но всю жизнь продолжаетъ дѣлать свои нападенія на насъ. Да, цѣль нашего крестоношенія — крестная смерть нашего грѣховнаго существа: „иже Христовы суть, — говоритъ Апостолъ, — плоть распяша со страстьми и похотьми (Гал. V, 24).“

Правда, скорби, несчастія, лишенія — наставникъ строгій, но съ другой стороны — благодѣтельный: скорби и страданія не проходятъ безслѣдно въ нравственномъ воспитаніи христіанина. Онъ обогащаются своего рода опытностью, а эта опытность, въ свою очередь, учитъ его познавать настоящую цѣну временныхъ и вѣчныхъ, матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ. Развѣ не бываетъ, что внезапныя тяжелыя испытанія заставляютъ богача, — для котораго золотые кумиры не только первое, но единственное благо жизни, задуматься надъ непрочностью и неполнотою интересовъ, ограниченныхъ исключительно земными сокровищами, и подумать объ интересахъ жизни болѣе важныхъ, духовныхъ? Развѣ скорби и несчастія не

будуть заснувшей совѣсти счастливецъ и не возвращають ей своихъ правъ? а пробужденная совѣсть развѣ не заставляетъ человѣка взвѣсить и почувствовать свои недостатки, заблужденія и паденія? Развѣ скорби не производятъ спасительныхъ переворотовъ въ нравственной жизни людей? Да, люди поглотились бы въ мірскихъ и мелочныхъ интересахъ, если бы Провидѣніе не побуждало ихъ подумать о божьихъ интересахъ, высшихъ и духовныхъ путемъ скорбей и испытаній. Конечно, нельзя назвать разумнымъ человѣка, который самъ на себя накликаеть бѣдствія; зато весьма счастливъ и мудръ, по ученію св. Вѣры и Церкви, тотъ человѣкъ, который умѣетъ, во благо души своей, воспользоваться спасительными уроками, которые Провидѣніе преподаетъ намъ въ суровой школѣ несчастій и скорбей, — счастливъ потому, что можетъ сказать о себѣ съ Ап. Павломъ: „ежели внѣшній нашъ человѣкъ и тлѣетъ, то внутренній со дня на день обновляется.“ Легкія, наши скорби, которыя продолжаются недолго, производятъ для насъ вѣчную славу въ величайшемъ избыткѣ. Мы не имѣемъ цѣлю вещи видимыя, но-невидимыя, потому что видимыя — преходящи, а невидимыя вѣчны (2 Кор. IV, 16—18). „Видимыя же временныя и тленныя, но невидимыя же вѣчны и неизменны.“ Но человѣку хотѣлось бы и на землѣ видѣть подобіе неба. „Что за жизнь, — говорятъ, — если блаженство, которое покупается цѣною многихъ жертвъ и крестовъ, далеко — на небѣ, а на землѣ около насъ и еще ближе — въ нашей собственной груди — адъ? пока крестоносецъ дойдетъ до горь-

няго Иерусалима, онъ не разъ падеть и будетъ про-
клинять себя подъ тяжестью креста, а можетъ
быть и не доидеть. “ Такъ; но такое возраженіе
даетъ людямъ опять ихъ ветхій и необновленный
человѣкъ, даетъ притомъ людямъ, неимущимъ упо-
ванія на Промыслъ и плохимъ ученикамъ въ шко-
лѣ скорбей и несчастій. Нѣтъ, люди глубоко опыт-
ные въ духовной и благодатной жизни, для кото-
рыхъ ни одинъ урокъ земныхъ несчастій не про-
ходилъ безплодно, умѣютъ, при помощи благодати
и Евангелія, не только понять тайну и значеніе
человѣческихъ скорбей, но даже — найти въ нихъ
же самихъ источникъ облегченія, утѣшенія и пол-
ноту духовной радости. Въ ожиданіи неба и бла-
женства, они, среди самыхъ страданій, находятъ
небо на землѣ. Они говорятъ намъ вмѣстѣ съ
Псалмопѣвцемъ: „ благо мнѣ, яко смирилъ мя еси
(Псал. СХVIII, 71). “ Для нихъ не только не-
страшно, но даже отраднo иго скорбей и бѣдствій;
потому что они знаютъ, для чего, во имя чего и
почему примѣру они страдаютъ. Они знаютъ, гдѣ
искать успокоенія подъ тяжестью ига Христова;
потому что опытно знаютъ великую тайну и силу
словъ Спасителя: „ Придите ко Мнѣ всѣ тружда-
ющіеся и обременные, и Я упокою васъ. Возмите
иго Мое на себя, и научитесь отъ Меня; ибо Я
кротокъ и смиренъ сердцемъ: и найдете покой ду-
шамъ вашимъ. Ибо Мое иго благо и бремя легко
(Мате. XI, 28—30). “ — Велики ихъ скорби и стра-
данія, но не больше благодатнаго утѣшенія, кото-
рое подаетъ имъ Христосъ: „ по мѣрѣ того, — го-

ворять они съ Апостоломъ, — какъ умножаются въ насъ страданія Христовы, умножается Христомъ и утѣшеніе наше (2 Кор. I, 5).“

Но что мы указываемъ на людей опытныхъ въ духовной жизни? Развѣ благодатное утѣшеніе не каждому изъ насъ предлагается Евангеліемъ и Церковію? Развѣ каждый изъ насъ, хотя изрѣдка, не чувствовалъ въ своей жизни благодатнаго и умиротворяющаго утѣшенія, напр., въ живой молитвѣ и таинствахъ? Изъ всѣхъ человѣческихъ крестовъ, можетъ быть, самый тяжелый тотъ, который налагаетъ на грѣшника собственная его совѣсть. „Кого бойшься ты? — спрашиваетъ себя, отъ имени совѣсти, одинъ нечестивый король, по вѣрному изображенію одного памятника словеснаго искусства. „Меня? Здѣсь никого нѣтъ! О, какъ мучишь ты меня неспокойная совѣсть! На моемъ тѣлѣ капли, холодныя какъ ледь!“ Но кто возвращаетъ грѣшнику миръ совѣсти? Евангеліе и Церковь, проповѣдующія миръ и подающія отпущеніе грѣховъ и слово прощенія въ таинствѣ покаянія. Да, если Евангеліе и Церковь проповѣдуютъ намъ о необходимости креста; то онѣ же, — и онѣ однѣ, — льютъ и успокоительный елей въ сердце крестоносца; онѣ однѣ только въ состояніи облегчить иго нашего креста; потому что онѣ только могутъ указать намъ на примѣръ нашего Спасителя и дать намъ благодатное утѣшеніе. Лучшаго и болѣе надежнаго утѣшенія въ скорбяхъ и бѣдствіяхъ мы нигдѣ не найдемъ, хотя люди нынѣшніе, да и теперь еще пытаются находить

его помимо Церкви и Евангелія. Давно пытались мудрецы, пытаются многіе и теперь найти успокоеніе отъ бѣдствій и тревоженій міра въ безчувственномъ самоотреченіи и гордомъ равнодушіемъ ко всему внѣшнему. Но безчувственное самоотреченіе если и можетъ доставить человѣку покой, то — покой не субботный, не христіанскій, а могильный и гробовой, который часто тиранитъ человѣка хуже всякаго безпокойства. Въ чемъ еще пытались и пытаются люди найти успокоеніе отъ скорбей и невзгодъ жизни? — Въ постоянныхъ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ? Въ сокровищахъ міра? Въ постоянномъ озлобленіи на себя и другихъ? — Но развѣ кто будетъ спорить, что постоянныя безцѣльныя удовольствія и развлеченія — успокоеніе минутное, что онѣ также могутъ наскучить человѣку, какъ, напр., скучнымъ ему кажется произведеніе искусства, въ которомъ разнообразіе не одушевлено единствомъ мысли, и что каждая новая наша удовольствій, которою хотятъ залить горе, чаще всего таитъ на днѣ сугубый ядъ страданія? Развѣ это не истина, что часто и черезъ золото льются горькія слезы? Развѣ быть въ постоянномъ озлобленіи на себя и другихъ не значитъ таить адъ въ своей груди?... Нѣтъ, одинъ Богъ, Его Евангеліе и Церковь могутъ, какъ должно, разрѣшить намъ тайну скорбей и облегчить ихъ иго; потому что только Богъ можетъ дать миръ нашей совѣсти и силу нашей воли.

Мы предложили, бр., вашему вниманію ученіе о христіанскомъ самоотверженіи и о крестѣ, — пред-

ложили на основаніи Слова Божія и ученія св. Церкви. Важность предмета побуждаетъ и насъ заключить церковную бесѣду тѣми самыми словами, которыми нѣкогда Спаситель заключилъ Свою сегодняшнюю евангельскую бесѣду къ народу: „Если кто постыдится Меня и Моихъ словъ; то и Сынъ человѣческій постыдится его, когда придетъ во славу Отца Своего съ Ангелами святыми (Марк. VIII, 38). „Аминь.

Б. Поликарповъ.

ОПЫТЪ ИЗЪЯСНЕНІЯ

XV-й главы 1-го послан. къ Коринѳянамъ.

(Продолженіе).

II. Истина воскресенія мертвыхъ.¹⁾

Доказавъ (въ ст. 1—II) истину воскресенія Христова Апостоль переходитъ къ утверженію истины воскресенія мертвыхъ, основывая ее всецѣло на первой. Именно: указая Коринѳянамъ въ воскресеніи Христовомъ непреложное основаніе нашего воскресенія, Апостоль все доказательство

¹⁾ 12—43.

истины воскресенія мертвыхъ, главнымъ и существеннымъ образомъ, заключаетъ въ одномъ — *въ неразрывной связи* воскресенія мертвыхъ съ воскресеніемъ Христовымъ, связи, по которой первое есть необходимое слѣдствіе послѣдняго (12—20). Далѣе, сравненіемъ Иисуса Христа съ Адамомъ Апостоль объясняетъ, почему именно и какимъ образомъ, въ слѣдствіе воскресенія Христова, подлежитъ быть всеобщему воскресенію мертвыхъ (21, 22) и при томъ не прежде, какъ во второе пришествіе Христово (23.) Присоединя къ сему рѣчь о кончинѣ благодатнаго царства Христова, окончательной побѣдѣ Христа надъ всѣми врагами его, имѣющей послѣдовать за воскресеніемъ мертвыхъ (24—26) Апостоль въ необходимости сей побѣды и вообще — совершеннаго покоренія всего Богу Отцу (27—28) даетъ видѣть необходимость воскресенія мертвыхъ, указуя основаніе его опять — въ воскресеніи Христа, какъ побѣдителя смерти и ада, Которому должно покориться все. Какъ прибавленіе къ главному доказательству воскресенія мертвыхъ Апостоль представляетъ подтвержденіе истины сей, заимствованное изъ связи ея съ возрожденіемъ христіанъ посредствомъ таинства крещенія (29 ст.), — съ цѣлью Апостольскаго служенія (30—32) и наконецъ со всею нравственностію Христіанъ (33—34.)

- 1) ВОСКРЕСЕНІЕ МЕРТВЫХЪ ВЪ НЕРАЗРЫВНОЙ СВЯЗИ СЪ ВОСКРЕСЕНІЕМЪ ХРИСТОВЫМЪ. (12—19)

Истина воскресенія Христова стоитъ выше вся-

каго сомнѣнія. Но, если справедливо, что Христосъ воскресъ, то, безъ сомнѣнія, воскреснутъ и всѣ мертвые: коль скоро есть первое, будетъ несомнѣнно и послѣднее. Ибо такова связь истины воскресенія мертвыхъ съ истиною Христова воскресенія, что онѣ одна другую необходимо предполагаютъ и взаимно подтверждаютъ, такъ что изъ истины воскресенія Христова—какъ изъ своего основанія, необходимо слѣдуетъ истина воскресенія мертвыхъ (ст. 12); при отрицаніи послѣдней—теряетъ свою достовѣрность и силу и первая (13),—а изъ отрицанія воскресенія Христова и съ нимъ—нашего, проистекаютъ слѣдствія самыя мрачныя, разрушающія христіанство въ его основѣ и все всѣми его спасительными плодами (14—19.)

Ст. 12 *Аще ли Христосъ проповѣдуется, яко изъ мертвыхъ воста, како глаголютъ нѣцыи въ васъ, яко воскресенія мертвыхъ нѣсть?*

Рѣчь не противъ всѣхъ вѣрующихъ церкви Коринтской, но противъ нѣкоторыхъ только изъ нихъ. Не упоминая ихъ именъ, чтобы симъ вразумить и уврачевать ихъ, Апостоль не умолчиваетъ о самомъ заблужденіи ихъ относительно истины воскресенія мертвыхъ. Если, говоритъ онъ, воскресъ Христосъ, какъ это проповѣдано всѣми Апостолами, какъ и вы всѣ приняли сіе за несомнѣнное; то на какомъ основаніи нѣкоторые изъ васъ дерзаютъ утверждать, что воскресенія мертвыхъ нѣтъ, что оно, т. е. не возможно и не будетъ? Оно возможно: ибо есть воскресеніе Христово, отъ дѣйствительности

кого всегда можно заключать о возможности воскресенія вообще. Оно будетъ: ибо Христосъ воскресъ, какъ и умеръ, не для себя, но и для другихъ. Его воскресеніе — основаніе нашего воскресенія. Допускать основаніе и хотрицать необходимое его слѣдствіе — не значить ли противорѣчить самому себѣ?

— Ст. 13. *Аще воскресенія мертвыхъ нѣтъ, то ни Христосъ воста.*

„Но какаѣ здѣсь послѣдовательности скажешь? Если Христосъ воскресъ, то слѣдуетъ, что и другіе воскреснутъ; а если другіе не воскреснутъ: то какъ можетъ слѣдовать, что и Христосъ не воскресъ? Поелику сіе, повидимому, несогласно съ правилами умозаключенія: то смотри, какъ онъ дѣлаетъ весьма согласнымъ, напередъ бросивъ сѣмена, и доказывая его изъ самаго предмета проповѣди т. е. изъ того, что Христосъ преданъ смерти за грѣхи наши, воскресъ и есть первенецъ усопшихъ. Ибо первенецъ чьимъ будетъ первенцемъ, если не воскресаютъ тѣ, коихъ онъ первенецъ? Слѣдов. какъ же они не воскресаютъ? Если они не воскресаютъ; то для чего воскресъ Христосъ? Для чего онъ и пришелъ, для чего принялъ на себя плоть, если не имѣлъ намѣренія воскресить плоть? Видишь ли, что такими словами и невѣріемъ въ воскресеніе мало по малу ниспровергается все домостроительство спасенія?“¹⁾ Это самое и показываетъ Апостоль въ слѣдующихъ стихахъ:

¹⁾ Св. Златъ въ 39 бес. на 1 Кор. XV, 13. стая

Ст. 14 *Аще Христосъ не воста, тщя убо проповѣданіе наше, тщя же и вѣра ваша.*

Если вѣрно, что Христосъ не восталъ, какъ слѣдуетъ заключить, отвергая воскресеніе мертвыхъ (ст. 13); то что будутъ значить Апостольская проповѣдь и вѣра христіанъ? Не явно ли, что та и другая въ такомъ случаѣ оказываются совершенно суетными, напрасными, пустыми и безцѣльными. Ибо что составляетъ сущность и основу и нашей проповѣди и вашей вѣры? То, что Иисусъ Христосъ есть обѣтованный Мессія, Божественный Искупитель и Спаситель міра, совершившій дѣло искупленія крестною смертію Своею (1 Петр. 1, 19; Ефес. 1, 7; V, 2; Евр. IX, 12, 16—18) и засвидѣтельствовавшій сіе по преимуществу своимъ славнымъ воскресеніемъ (Матѣ. XII, 39, 40; Римл. 1. 4) — то, что смертію мы примирены съ Богомъ (Римл. V, 10), и мертвые прегрѣшенными, неимущіе въ себѣ духа жизни, въ его воскресеніи воспріемлемъ новую жизнь, Божественную, небесную, вѣчно-блаженную. На истинѣ воскресенія Христова, какъ на краеугольномъ камнѣ (Дѣян. IV, 10, 11, 12), утверждается такимъ образомъ все зданіе христіанства. Если нѣтъ сего воскресенія, то явно зданіе сіе падаетъ, рушится. Мы все потеряли, все погибло, если Христосъ не воскресъ. Ибо если Христосъ умершій не могъ воскреснуть то и грѣхъ не истребленъ, и смерть не уничтожена, и клятва не разрушена, и мы только тщетно проповѣдали, и вы тщетно увѣровали.,¹⁾

¹⁾ Св. Злат. въ 39 бес. на 1 Кор. XV, ст. 14.

Ст. 15—17. *Обрътаемся же и лже свидѣтели Божии, яко послушествовахомъ на Бога, яко воскреси Христа, его же не воскреси, аще убо мертвыи не востаютъ. Аще бо мертвыи не востаютъ; то ни Христосъ воста. Аще же Христосъ не воста, суетна вѣра ваша: еще есте во грѣсѣхъ вашихъ.*

Усиливаетъ Апостоль сказанное въ предыдущемъ стихѣ (14). Не только напрасными, пустыми, должно назвать и проповѣдь Апостольскую и вѣру христіанъ, но даже ту и другую надлежитъ признать не истинными, лживыми ¹⁾, показывающими въ проповѣдникахъ — преступныхъ обманщиковъ и лжецовъ представляющихъ величайшую клевету на самого Бога; въ тѣхъ же, кои приняли проповѣрь Апостоловъ, жалкую жертву обмана. Если нѣтъ воскресенія Христова, говоритъ Апостоль, то всё мы Апостолы оказываемся нечестивыми хулителями имени Божія, величайшими лже свидѣтелями: ибо, именемъ Бога свидѣтельствуясь, утверждаемъ то, чего онъ не совершилъ (т. е. что онъ воскресилъ Христа, тогда какъ этого нельзя допустить, коль скоро невозможно и не будетъ воскресенія мертвыхъ.) Лживою въ такомъ случаѣ становится и вѣра христіанъ; ибо основывается на ложной проповѣди. Если нѣтъ воскресенія Христова, то для насъ нѣтъ и вѣрнаго залога, не имѣемъ удостовѣ-

¹⁾ Такое именно значеніе и имѣеть слово суетный употребляемое здѣсь (въ ст. 17) оно очевидно означаетъ не болѣе какъ-напрасный, пустой, безплодный, но не ложный.

рения въ томъ, что крестная смерть, принесенная Христомъ за грѣхи наши, принята Богомъ, какъ хорошая Ему: значить въ такомъ случаѣ грѣхи наши неизглажены, мы, потому, неоправданы, не-благодатствованы, не спасены (Дѣян. XIII, 38; 1 Петръ III, 21; Римл. V, 25.).

Ст. 18, 19, *Убо и умершие о Христвѣ погубиша. И аще въ животъ семъ точию уповающе есмы во Христа, окаянныйши всѣхъ человекъ есмы.*

Въ сихъ стихахъ Апостоль продолжаетъ показывать пагубныя слѣдствія, неминуемо происходящія въ томъ случаѣ, когда отвергаемъ воскресеніе изъ мертвыхъ Христа Спасителя. Слѣдствія сии Апостоль выводитъ относительно умершихъ о Христвѣ и живущихъ съ упованіемъ на Него. *Умершие о Христвѣ*, т. е. „съ вѣрою во Христа и ради его претерпѣвшіе много скорбей, страданій и бѣдствій, шедшіе путемъ узкимъ“¹⁾ погубили, говоритъ Апостоль, —если *Христосъ не воста*, потому что умершій о Христвѣ и невоскресшій явно ничего не можетъ даровать имъ. Не счастливыѣ ихъ и тѣ, которые хотя еще и живутъ, но живутъ только однимъ упованіемъ на Христа,, т. е. отрекшись отъ всѣхъ удовольствій и удобствъ временной жизни, идутъ тѣснымъ и узкимъ путемъ заповѣдей Христовыхъ съ однимъ только чаяніемъ благъ вѣчныхъ; напротивъ, они болѣе, нежели умершіе о Христвѣ, *достойны сожалѣня*,

(¹ Св. Злат. 39 бес. на 1 Кор. XV, 19 ст

потому что имъ еще предстоятъ тѣ скорби, страда-
нія, лишенія, гоненія, постигающія въ настоя-
щемъ вѣцѣ всѣхъ хотящихъ благочестно жити (2
Тим. III, 12), отъ коихъ умершіе уже освободи-
лись.

Ст. 20 *Нынѣ же Христосъ восталъ отъ мер-
твыхъ, начатокъ умершимъ бысть.*

Нынѣ же означаетъ время въ противополож-
ность тому воображаемому времени, которое было
бы, еслибы Христосъ не восталъ. *Предшественю-
щая мысль:* еслибы Христосъ не восталъ, тогда
бы никто не воскресъ, тогдабы уживыми были и
наша проповѣдь, и наша вѣра, и наше упованіе;
а *теперь*—Христосъ поелику восталъ, то своимъ
воскресеніемъ положилъ начало воскресенію и
другихъ умершихъ. *Начатокъ умершимъ бысть* т.
е. онъ не только *первый* ¹⁾ *отъ воскресенія мер-
твыхъ* (Дѣян. XXVI, 23), первый восталъ съ тѣ-
ломъ въ жизнь новую и безсмертную, но восталъ
съ тѣмъ, чтобы воскресить и другихъ, для кото-
рыхъ онъ сталъ начаткомъ воскресенія. “Какъ на-
чатокъ Онъ имѣетъ и послѣдующихъ за Нимъ
другихъ, потому что начатокъ есть начатокъ чего
либо. Когда приносился одинъ снопокъ, какъ нача-

¹⁾ Правда и прежде воскресенія Христова были при-
мѣры воскресенія. Но изъ воскресшихъ (притомъ не
своею, а Божіею силою) никто не получилъ полного
воскресенія: всѣ они оживлены были только на время
и потомъ опять дѣлались жертвою смерти. Христосъ
«воскресъ воскресеніемъ совершеннымъ» (Блаж. Теоф.
въ своемъ толков. на 1 Кор. XV)—воскресъ потому
первый изъ мертвыхъ въ жизнь славную и вѣчную.

токъ, благословила съ и вся жатва: такъ освященны и принесены всѣ мы чрезъ Него, и воскресеніемъ единаго тѣла все естество удостоено воскресенія.,¹⁾

2) Что за связь воскресенія мертвыхъ съ воскресеніемъ Христовымъ? Почему и какимъ образомъ въ слѣдствіе воскресенія Христова должно поспѣдовать и наше воскресеніе? (Ст. 21, 22)

Указуя въ I. Христѣ, какъ Начаткѣ воскресенія, (ст. 20) единственно главное основаніе и начало воскресенія мертвыхъ, Апостоль связъ сей истину съ истинною воскресенія Христова изъясняетъ сравненіемъ I. Христа съ Адамомъ. Какъ въ Адамѣ—главѣ человѣческаго рода, начало и причина смерти всѣхъ; такъ и во Христѣ, новой Главѣ облагодаствованнаго имъ человѣчества, начало и источникъ жизни и воскресенія также всеобщаго, какъ всеобща смерть, порожденная единымъ человекомъ.

Ст. 21 *Понеже бо человекомъ смерть бысть, и человекомъ воскресеніе мертвыхъ.*

Разрѣшаетъ Апостоль, почему въ слѣдствіе воскресенія Христова надлежитъ быть воскресенію всѣхъ умершихъ. Смерть вошла въ міръ чрезъ человека: *единымъ человекомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человеки вниде* (Римл. V, 12); по этому и воскресенію становятся причастными всѣ умершіе чрезъ человека.

¹⁾ Блаж. Теофил. въ толков. на посл. къ Колос. 1, 68 ст.)

же. Если возможно было первое, то без сомнѣнія возможно и послѣднее, чтобы т. е. въ воскресеніи одного человѣка умершаго и воскресшаго получили жизнь и всѣ мертвые. Возможно и притомъ такъ, что послѣдняго т. е. воскресенія мертвыхъ, не могло и быть иначе, какъ чрезъ воскресеніе человѣка же. То несомнѣнно, что человѣкъ, чрезъ грѣхъ подвергшійся смерти, какъ мертвый, не можетъ самъ себя воскресить, — что источникъ жизни и воскресенія есть одинъ Отецъ Небесный, и потому отъ Него непосредственно приѣмлющій жизнь Единородный Сынъ Божій, І. Христосъ, нашъ Ходатай, своею смертію за грѣхи наши, разорившій средостѣніе ограды между нами и Отцемъ Небеснымъ и насъ, отчужденныхъ отъ жизни Божія, введшій въ причастіе Божественною жизнію (Іоан. V, 26, 21), но чтобы сему Ходатаю нашему предъ Отцемъ Небеснымъ ввести жизнь въ убитое грѣхомъ естество человѣческое, чтобы удовлетвореніе правды Божіей за грѣхъ, равно какъ и побѣда надъ грѣхомъ и смертію, были совершаемы не безъ участія со стороны самого человѣка, — для этого надлежало сему Ходатаю Единородному Сыну Божію содѣлаться челоовѣкомъ. „Онъ содѣлался сыномъ человѣческимъ, говоритъ св. Ириней, чтобы какъ родъ нашъ подвергся смерти чрезъ человѣка — побѣжденнаго, такъ и опять получили мы жизнь чрезъ человѣка — побѣдителя; и какъ смерть получила надъ нами побѣду чрезъ человѣка, такъ чрезъ человѣка и мы получили побѣду надъ смертію. 1),”

Ст. 22. *Яко же бо о Адамъ вси умираютъ, такоже и о Христѣ вси живутъ.*

Образъ пережоденія и распространенія жизни отъ Христа, Начальника жизни, во все умирающее чрезъ Адама челоѳчество точно такойже, какъ образъ перехода и распространенія смерти отъ одного Адама, согрѣшившаго во всѣхъ людей. Адамъ и Христосъ—два представителя челоѳческаго рода, двѣ главы его, противоположныя по своимъ дѣйствіямъ: отъ перваго—грѣхъ и смерть, отъ втораго—жизнь и воскресеніе. Отсюда, какъ въ Адамѣ, въ силу отношенія къ нему, какъ естественному родоначальнику своему, всѣ умираютъ: такъ и во Христѣ духовной Главѣ искупленнаго имъ челоѳчества воскреснуть также всѣ, не только вѣрующіе, но и самыя невѣрующіе, только сіи послѣдніе не для блаженства, а для суда и мученія. ²⁾

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Св. Прин. (advers. haeres. V, ст. 21 и на слова Ап. ст. 21.)

²⁾ Такъ понимаютъ: св. Амвросій (въ толков. на 1 Кор. XV, 22), св. Златоустъ (тоже въ толков. на 1 Кор. XV), Блаж. Иеронимъ также въ словахъ Апостола (ст. 22) разумѣетъ всеобщее воскресеніе: «Объ общей смерти говоритъ Апостоль и о всеобщемъ воскресеніи» (толк. на 1 Кор. XV, 22.)

надгробныя пѣсноуѣнія.

I.

О, что за подвигъ предстоитъ
Душѣ въ минуту разлученья!
Какое страшное мученье
Ее медлительно томить:
Ее грядущее тревожить,
Ее прошедшее гнететь,
Но сколько слезъ она ни льетъ,
Никто помиловать не можетъ!
Съ мольбой-ли къ ангеламъ глядитъ —
Но всѣ моленія напрасны;
Иль къ людямъ руки устремить —
Но ей помочь они не властны...
О, братья! то-же ждетъ и насъ,
И намъ немного дней осталось:
Прольемъ-же, други, въ этотъ часъ
О томъ, чья жизнь теперь скончалась,
Молитву сердца къ небесамъ:
Пошли, Господь, ему прощенье,
Пошли ему упокоенье
И милость велю всѣмъ намъ!

II.

Я плачу—плачу и рыдаю,
Когда о смерти помышляю,
Когда я вижу ликъ живой,
Богородица и прекрасный,
Во гробъ — блѣдный — и нѣмой —
И безобразный — и ужасный...
О, что за чудо! что за страхъ!...
Что это съ нами?.. что за тайна?..
Такъ измѣниться чрезвычайно
И обратиться въ пыль и прахъ!...
Какъ это тлѣнно мы отдались?!

Какъ мы со смертью сочтались?!...

Воистинну, такъ Богъ велѣлъ,

Таковъ отъ Бога намъ удѣлъ —

Гласить святое откровенье!

Онъ Самъ усопшаго зоветъ,

Онъ Самъ таинственно даетъ

Его душѣ упокоенье...

III.

Придите, о братія, съ рыданьемъ,

Почтимъ умершаго своимъ

Уже послѣднимъ цѣлованьемъ

И славу Богу воздадимъ.

Вотъ онъ во гробъ ужь, безгласный,

Погинувъ всѣхъ въ дому родномъ»

Не мысля больше о земномъ

И брэнной плоти многострастной...

Вотъ-вотъ разстанемся! идемъ,

Простимся съ нимъ, и въ сокрушеньи

Всѣ объ его упокоеньи,

Друзья, помолимся о немъ!

IV.

Что это нынѣ за прощанье,

О, братья? что за плачь и стонъ?

Что за тяжелое рыданье

Звучитъ теперь со всѣхъ сторонъ?....

Въ послѣдній разъ цѣлуемъ брата!...

Онъ такъ недавно съ нами былъ,

А нынѣ въ гробъ ужь почилъ

И вотъ уходитъ безъ возврата...

Подъ камнемъ скроется потомъ,

Во тмѣ могильной погрузится

И съ мертвецами поселится,

Погинувъ всѣхъ, забывъ о всемъ!....

Но мы, при вѣчномъ разлученьи,

Душой ко Господу вздохнемъ,

И объ его упокоеньи,

Друзья, помолимся о немъ!

У.

Какъ нынѣ горько обнажился
Обманъ блестящей суеты:
Вотъ, духъ отъ тѣла удалился,—
И, бѣдный братъ мой, что-же ты?
Земля и прахъ ты почернѣвшій;
Сосудъ раздробленный въ-конецъ;
Навѣкъ незрячій—онѣмѣвшій—
Безъ чувствъ — недвижимый — мертвецъ!...
Но въ это скорбное мгновенье,
Какъ прахъ въ могилу мы несемъ,
Всѣ объ его упокоеньи,
Друзья, помолимся о немъ!

УІ.

Что-жь наша жизнь?... весенній цвѣтъ,
Летучій дымъ, роса разсвѣта!
Едва появится,—и нѣтъ!
И ни возврата, ни отвѣта!...
Вотъ гробъ, могилы; подойдемъ,
Вглядимся пристально, прилежно:
Гдѣ красоту мы здѣсь найдемъ?
Гдѣ юность? цвѣтъ? румянецъ нѣжный?
Гдѣ блескъ очей?... увы, увы!
Все измѣнилось, все увяло,
Какъ зелень скошенной травы;
Слѣда нѣтъ жизни: все пропало!...
О, поспѣшимъ же, поспѣшимъ,
Съ слезами горькаго рыданья,
Падемъ, печальныя созданья,
Передъ Спасителемъ своимъ.

УІІ.

Къ Тебѣ возносимъ скорбный гласъ,
Богородительница—Дѣва,
Спасай надѣющихся насъ,
Спаси раба сего отъ гнѣва.
Благаго Бога умоли
Мольбами теплыми Твоими,

Да упокоить со святыми
Духъ воспарившій отъ земли.
И благъ божественныхъ, негльбныхъ,
Какъ Матерь Свѣта и Любви,
Его участникомъ яви
Въ селеньяхъ праведныхъ блаженныхъ.
Да память вѣчная о немъ,
О, Непорочная, Святая,
Мерцающая здѣсь, въ краю земномъ,
Сіяетъ вѣкъ въ предѣлахъ райа!...

С. Пономаревъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Въ ночь съ 16 на 17-е Марта, въ 11-ть часовъ, скончался Пирятинскій градскій Благочинный, Протоіерей о. **Никифоръ Ещенокъ**, на 44 году священства и 68 своей жизни. До дня болѣзни (15 февраля) старикъ былъ очень бодръ и, послѣ цѣлой недѣли опасной болѣзни, онъ увѣрялъ посѣщавшихъ его, что въ силахъ вынести ее и только съ 6 Марта, почувствовавъ чрезмѣрную слабость, больной началъ свои предсмертныя распоряженія, какъ относительно своего хозяйства и имущества, такъ и мѣста и порядка своего погребенія. 15-го же Марта онъ говорилъ уже о близости своей смерти и просилъ одного изъ ближайшихъ къ себѣ священниковъ, въ виду близкой кончины, не отлучаться отъ него. Припрошенный священникъ дѣйствительно былъ свидѣтелемъ смерти старика въ сидячемъ положеніи (во все время болѣзни старикъ гораздо больше сидѣлъ, чѣмъ лежалъ). Душа его разлучилась съ тѣломъ спокойно и мирно, такъ что отъ

умиравшаго, кромѣ постепенно ослабѣвавшаго ды-
ханія, неслышно было ни малѣйшаго стона.

Покойникъ, о. Протоіерей, былъ человекъ тру-
додобивый, аккуратный, честный и особенно го-
степриимный. Дѣятельность его и по обязанности
священника и по должностямъ, которыя онъ зани-
малъ, если и не отличалась блистательными осо-
бенностями, тѣмъ не менѣ многія стороны ея, при
безпристрастіи, безкорыстіи и усердіи, съ ко-
торыми покойникъ исполнялъ свои обязанности,
даютъ ему право на названіе честнаго труженника,
стоящаго признательности—по крайней мѣрѣ той
среды, въ которой и для которой онъ такъ долго
трудился. Впрочемъ, труды покойника никогда не
оставались не замѣченными и епархіальнымъ На-
чальствомъ, ибо онъ былъ постепенно удостоива-
емъ его наградъ и наконецъ, по его же ходатай-
ству, сопричисленъ къ ордену св. Анны третьей
степени. Миръ тебѣ добрый старче! Да увѣнчаетъ
тебя Верховный Пастыреначальникъ вѣнцемъ Свое-
го царствія!

Г. Мансѣтовъ.

Содержаніе: I. Слово въ день воспоминанія чудесна-
го спасенія жизни Благочестивѣйшаго Государя Императора
Александра Николаевича отъ покушенія злодѣя 4-го Апрѣля
1866 года. II. Бесѣда о христіанскомъ самоотверженіи. III.
Опытъ изъясненія XV-й главы 1-го посл. къ Коринтянамъ.
(Продолженіе) IV. Надробныя пѣснопѣнія V. Некрологъ.

Редакторъ Прот. Н. Думитрашко.

Печ. дозволяется 1867 г. Мая 1 дня. Цензоръ Пр. Катриновъ.

Полтава. Въ типографіи бр. Н. и П. Цигуренко.